

Перевод: Hellgah

Редактор: Naides

В комнате было пятеро. Пожилая госпожа Хэ сидела посередине, по бокам от неё стояли две надёжные старшие служанки. Госпожа Хэ и Цао Цзиньсю преклоняли колени на полу и слёзы покрывали их лица.

— Мама, я умоляю вас! — рыдала госпожа Хэ. — Накажите меня, как хотите, если думаете, что я сделала что-то не так! Но, пожалуйста, не обращайтесь так с Цзиньсю!

— Как осмелюсь я вас наказывать? — сказала пожилая госпожа Хэ, её выражение лица было столь ледяным, что казалось, словно её фигура на самом деле источает холод. — Вы — мать Хунвения, женщина слова. Не важно, на ком вы хотели женить Хунвения, я никогда не стояла на вашем пути. Но поскольку наложница Цао уже вышла замуж в нашу семью, я имею право воспитывать её. Хорошо, наложница Цао, хватит пребывать в прострации. Немедленно вернись, чтобы собрать вещи. Я хочу, чтобы ты поехала в Белый Каменный Пруд со мной через несколько дней!

Лицо Цао Цзиньсю смертельно побледнело. Она никогда не думала, что дойдет до такого. Она сжалась, умоляя:

— Нет, нет, пожилая госпожа, пожалуйста, я не смогу вынести расставания с моей тётушкой. Моего кузена здесь нет, я должна остаться и заботиться о ней!

— Тебе не нужно об этом беспокоиться, — пожилая госпожа Хэ кинула на неё презрительный взгляд. — Твой кузен находится в дальних поездках круглый год, и я не замечала, чтобы твоя тетушка не могла без него жить. Даже если ты для неё важнее её собственного сына, думаю, она всё равно сможет выжить без тебя!

Госпожа Хэ почувствовала полнейшее равнодушие в этом голосе. Когда она подняла голову и увидела решительное выражение лица пожилой госпожи Хэ и гнев в её глазах, госпожа Хэ осознала, как сильно её свекровь теперь её ненавидит, несмотря на то, что они хорошо ладили друг с другом в течение двадцати лет. Силы оставили её, и она тяжело осела на пол. Однако никто не подошел поддержать её, в то время как Цао Цзиньсю лишь громко и горько плакала.

— Сегодня я вам всё проясню, ничто не помешает мне взять наложницу Цао с собой, — холодно смотря на них, продолжила пожилая госпожа Хэ. — Она уже уничтожила хороший брак для Хунвения. Я не могу позволить ей разрушить всю его жизнь! Я уже подобрала девушку для него. Она тоже из семьи лекарей. Хотя её семья не столь престижна, я всё же довольна этой девочкой. Она способна, решительна и знает, как управлять семьёй. Её отец не так давно скончался, поэтому она ещё соблюдает траур. Я посчитала дни. Через год, когда Хунвень

вернётся, они смогут пожениться.

Цао Цзиньсю, сражённая горем, смотрела на пожилую госпожу Хэ, не желая верить услышанному:

— Вы... вы нашли другую девушку для кузена? Так быстро?!

— Верно, — пожилая госпожа Хэ посмотрела на неё с отвращением. — Так что я не могу позволить тебе остаться здесь и беспокоить Хунвеня и его жену, и нанести ещё больший вред семье Хэ.

— Нет, я не буду, я не буду беспокоить их! — Цао Цзиньсю сразу же пришла в себя и начала бесконечно кланяться. — Я буду служить кузену и его жене от всего сердца! Я буду относиться к ней как к моей сестре!

— Мама, вы слышали слова Цзиньсю, пожалуйста... — присоединилась к ней госпожа Хэ.

— Я ей не верю! — ответила пожилая госпожа Хэ. — Я не верю ни одной из вас!

Цао Цзиньсю и госпожа Хэ в ужасе посмотрели на пожилую госпожу Хэ. Последняя же медленно произнесла:

— Я ясно помню, что когда наложница Цао вошла в нашу семью, люди из семьи Цао поклялись, что никогда не попросят у нас помощи. Но прошло всего несколько месяцев... — пожилая госпожа с яростью посмотрела на госпожу Хэ. — Скажи мне, сколько серебра ты отдала семье Цао с тех пор? Хм! Ты думала, я не узнаю? Люди из семьи Цао писали письма наложнице Цао, прося о помощи. Потом ты давала серебро наложнице Цао. После этого семья Цао получала эти деньги от наложницы Цао. Как вы умны, раз способны найти лазейки в моих словах!

Госпожа Хэ уже осознала, насколько умна её свекровь, поэтому она не осмеливалась спорить.

— В конце концов она — моя сестра, я не могу позволить ей умереть от голода! — заплакав, ответила она. — Мама, я знаю, что у вас доброе сердце. Пожалуйста, пожалейте их...

— Умереть от голода?! — фыркнула пожилая госпожа Хэ. — Когда они покинули столицу, вы уже послали им достаточно серебра. Если бы они использовали эти деньги для покупки земли, они владели бы больше чем ста акрами угодий. Вместе с тем серебром, что вы давали им время от времени после этого, они могли бы называть себя богатыми людьми в деревне! Но что они делали? Я уже послала письмо, чтобы расспросить об их ситуации. Мужчины семьи Цао проводят своё время с продажными женщинами или занимаются тёмными делишками. Ваша дорогая сестрица живёт богатой жизнью, ни в чём не нуждается и даже начала ссужать деньги под процент. Она даже заставляет людей, которые должны ей деньги, продавать собственных детей! Вы хотите, чтобы я пожалела их? Позвольте мне сказать вам, мне жаль свиней, собак,

нищих в столице, но я никогда не пожалею людей из семьи Цао!

Лицо Цао Цзинью, когда она услышала это, стало таким бледным, что казалось почти прозрачным. Её губы едва не кровоточили, потому что она кусала их всё это время. Она не смогла сдержаться и возразила:

— Пожилая госпожа, может быть, вы ошиблись на их счёт. Мои родители говорили мне, что они заняты работой на ферме всё время...

— Правда? — пожилая госпожа внезапно рассмеялась. — Мы поедем мимо дома твоих родителей по пути в мой родной город. Ты сможешь сама проверить их. Если мои слова — неправда, я немедленно отправлю тебя обратно в столицу. Но, если я права, ты останешься в Белом Каменном Прудку навсегда! Как насчёт такого?

Цао Цзинсю поперхнулась, услышав слова пожилой госпожи Хэ. Промямлив что-то невнятное сквозь рыдания, она ничего больше не сказала и лишь стояла на коленях, опустив голову.

— Ты — двуличная дрянь! — увидев это, принялась ругать её пожилая госпожа Хэ. Она не имела никакого желания скрывать своё отвращение к Цао Цзинью. — Даже жаба в вонючей канаве порядочнее тебя! Ты не заслуживаешь даже говорить со мной. Как смеешь ты мечтать остаться с Хунвеном?!

Цао Цзинсю рухнула на пол, её лицо стало совершенно красным. Она тихо всхлипывала, чувствуя стыд и негодование.

— Я знаю, ты вдовствовала с молодых лет, но семья Хэ никогда ничего не была тебе должна. С тобой всегда обращались наилучшим образом, — повернувшись к госпоже Хэ, с тяжестью на сердце произнесла пожилая госпожа Хэ. — Я не упрямый человек, который презирает повторно вышедших замуж наложниц. Но Цао Цзинсю и её семья — подлые люди без чувства стыда. Если Хунвень будет с ними связан, его жизнь будет разрушена! — вздохнув, пожилая госпожа Хэ повысила голос. — Позволь мне быть откровенной с тобой сегодня, я знаю, что Хунвень — твой сын, но он также ребёнок семьи Хэ. Вы никогда не будете использовать его, чтобы оказать семье Цао услугу!

Лицо госпожи Хэ позеленело, она была так напугана, что могла лишь дрожать. Затем она печально подняла голову, посмотрела на пожилую госпожу Хэ и сказала:

— Мама, как вы можете так говорить обо мне? Как мне теперь найти смелость жить дальше?!

— Конечно же, ты будешь жить! — холодно возразила ей пожилая госпожа Хэ. — Я обязательно возьму с собой наложницу Цао. Я лучше буду злой свекровью и буду наблюдать, как ты умираешь, чем увижу, как погибает обременённый твоими стараниями Хунвень, лишь потому, что он хочет исполнить свой сыновний долг!

Госпожа Хэ даже плакать больше не могла и только смотрела на пожилую госпожу Хэ в панике.

— Может быть, ты больше беспокоишься о семье Цао, чем о собственном сыне, но я, уж извините, достаточно эгоистична, чтобы дорожить лишь своим внуком! — со странной улыбкой закончила пожилая госпожа Хэ.

Госпожа Хэ в пространии осела на пол, ощущая, как холодеет её тело. Между тем она всё ещё могла слышать слова пожилой госпожи Хэ:

— Запомни, наша семья — это семья Хэ. Вы — всего лишь женщины, которые вышли замуж в нашу семью! Вы не вправе использовать деньги семьи Хэ для помощи семье Цао! Репутация нашей семьи уже была однажды вами разрушена, я не могу больше вам верить! Позже я хочу, чтобы ты передала собственность Хунвеня мне. Когда Хунвень женится, я передам эту собственность его жене. Я не могу помешать вам оказывать другим услуги с помощью своего приданого. Но я хочу, чтобы вы знали, когда вы отдадите всё своё приданое, вы не сможете больше оставаться в нашей семье! Также, если семья Цао будет продолжать докучать нам, я сообщу местным властям об их преступлении. И меня не заботит, что их казнят или изобьют! Им следует получить, что заслужили! Я возьму на себя все последствия!

Внушительная манера поведения пожилой госпожи Хэ так напугала госпожу Хэ и Цао Цзинсю, что они не осмеливались сказать ни слова. После этого они могли лишь жалобно безостановочно умолять. Однако пожилая госпожа Хэ, уже принявшая решение, проигнорировала все их мольбы. Тогда Цао Цзинсю не смогла удержаться от брани:

— Ты, жалкая старая... — прежде чем она закончила это предложение, госпожа Хэ тут же прикрыла ей рот. Она знала то, чего не знала Цао Цзинсю: руки пожилой госпожи Хэ уже были в крови. Так много наложниц, тунфан и их детей исчезли без следа...

— Не будьте такими чувствительными, — продолжая смотреть на этих двоих, с улыбкой произнесла пожилая госпожа Хэ. — Я не собираюсь запираť наложницу Цао в моём родном городе навсегда. Через восемь-десять лет, когда у Хунвеня появятся его собственные дети, я отошлю тебя обратно. Тогда ты сможешь воссоединиться с ним.

Когда госпожа Хэ увидела выражение глаз пожилой госпожи Хэ, она почувствовала отчаяние. Госпожа Хэ знала, что она не проживёт больше десяти лет, учитывая состояние её здоровья. Она планировала позволить своему сыну и Цао Цзинсю сблизиться друг с другом, пока она ещё была жива. Тогда, после её смерти, Цао Цзинсю будет крепко стоять в семье Хэ. Теперь же казалось, что её свекровь с нетерпением дожидается её смерти.

К тому времени, её сын и его жена будут любящей парой с очаровательными детьми. А Цао Цзинсю, будучи женщиной в возрасте, никогда уже не будет пользоваться благосклонностью Хэ Хунвеня. Семья Хэ только позаботится, чтобы не заморить Цао Цзинсю голодом.

Госпожа Хэ была сама не своя. Внезапно, она кое-что вспомнила. Пожилая госпожа Хэ

заметила это выражение ее лица, она видела свою невестку насквозь. Тогда пожилая госпожа Хэ неторопливо взяла чашку чая и медленно сказала:

— Вам обеим лучше перестать думать, что вы сможете просить жену Хунвеня умолять меня отпустить наложницу Цао. Если твоя будущая невестка или сын придут ко мне и скажут, что хотят, чтобы наложница Цао вернулась, такая глупая старая женщина как я не будет пытаться выяснить, стоите ли вы за всем этим. Я отправлю твою племянницу прямо в монастырь. Кстати, в Белом Каменном Прудку есть такое место, как храм Тун Чу, который создан специально для женщин, которые совершили ошибки...

Цао Цзиньсю больше не могла этого выносить, у неё закружилась голова. В то время как, госпожа Хэ, ошеломлённая, лишь стояла неподвижно, и не шевелясь.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1464642>